

Александр КСЕНОФОНТОВ,
Новгородская обл.,
Малояицерский р-н,
д. Новая



НИКУДА НЕ ДЕТЬСЯ ОТ СУДЬБЫ...

С плетёной ивой корзинкой –
За земляникой летним днём.

Обратно выйду на дорогу,
Откуда виден отчий дом,
Пусть малость самую, немного,
Я в детстве побывал своём.

* * *

Засцепилась осень за плетень
Кружевной ажурной паутиной,
Всё короче, холоднее день,
И туман клубится над низиной.

Вот уже курлычат журавли,
На зимовье птицы улетают,
А рябину словно подожгли –
Гроздья алым пламенем пылают.

В вырубках последние грибы,
Налилась и вызрела бруслица,
Никуда не деться от судьбы,
Жизнь хмельная, словно голубика.

Как и прежде буду зимовать,
На далёком хуторе забытом,
Птиц кормить и что-то сочинять,
И мечтать, и думать о прожитом.

* * *

Играет Мишка на гармошке,
Сосед из юности моей,
О старой Муромской дорожке,
Для нас собравшихся друзей.

Летят мелодия в окошко,
Там расцвела в садах сирень,
Играет Мишка на гармошке
В послевоенный летний день.

Где мы растём среди разрухи,
Осиротевшие мальцы,
В деревне вдовы да старухи,
На фронте сгинули отцы.

Играет Мишка на гармошке
О чём-то личном, о своём,
Как бы дожить нам до картошки,
А там уже не пропадём.

* * *

Прилетели утром сойки,
С воробьями, не одни,
Покрутились у помойки,
Перескорились они.

Обезлюдела деревня,
Умер в ночь последний дед,
Пригорюнились деревья,
У крыльца растаял след.

Пусто в доме, сиротливо,
В окнах светится печаль,
Зарастает сад крапивой,
Никому его не жаль.

Церковь старая подгнила
На погосте за ручьём,
Распахнула рот могила
И не спросит ни о чём.

* * *

Моя малая родина – Любцы,
Как живётся, деревня моя?
Вот и некуда стало вернуться,
На погосте родня и друзья.

Дуб священника Верещагина
Всё шумит под напором ветров,
Став в двадцатые зятем хозяина,
Посадил его сам Кузнецов.

Зарастает Иванова нива,
На Иголкине тесно от дач,
Загрустила Плакучая ива
И скрипит до рассвета дергач.

Там сегодня пасутся бизоны,
Привезли их из Бельгии к нам,
За усадьбою деда Мирона
Установят индейский вигвам.

Всё пытаюсь назад оглянуться,
Так и хочется детство догнать.
Моя милая родина – Любцы,
Ну чего бы тебе пожелать?



К поэту приехали друзья с подарками

* * *

В юности хотелось приодеться
И купить со скрипом сапоги,
А потом в своё вернуться детство,
Чтобы похвалили старики.

К старости, ведь мы же не кудесники,
Справил я костюм и сапоги,
Но лежат в сырой земле ровесники,
Там же рядом – наши старики.

И теперь у жизни на закате,
В череде бегущих мимо дней,
Почему-то снятся все ребята,
Сверстники из юности моей.

Мне сапог не надо и костюма,
Похожу, как в детстве, босиком,
Разве мог я в юности подумать,
Что когда-то буду стариком!

* * *

Мне бы в Прышино в то лето
В праздник Кирика уплыть.
Там, у речки, до рассвета
Раскрасавицу любить.

Погостить бы у Вихровых,
К Евдокимовым сходить,
У Володьки, у Петрова,
Самогон стаканом пить.

У часовни, на лужайке,
Где любил народ гулять,
Под брянчанье балалайки
Вновь балдоху станцевать.

Но, увы! Ушло то лето.
Грех святое забывать.
Наказал нас Бог за это,
Стало некому гулять.



На зиму заготовил дров

ОДИНОКИЙ ДОМ НАД РЕЧКОЙ

Одинокий дом над речкой,
На поляне луговой,
Утром солнце над крылечком,
Ночью месяц над трубой.

Только грустно в этом доме,
Чистый пол, половики,
Покосилась дверь в проёме,
Не живут здесь мужики.

Ровно ходики на стенке
На минуты делят дни,
Фотографии в простенке –
Все военные одни.

Люди где? Изба не скажет,
Тишина стоит кругом,

Из тумана саван вяжет
Ночь кому-то за окном.

Кто они? С какого года?
Строго смотрят со стены
Дети русского народа –
В доме этом рождены.

Гимнастерки и погоны,
Мировые две войны...
Век двадцатый – миллионы
Права жизни лишены.

Помнят эти пятистенки
Звон предсмертной тишины,
Модно было ставить к стенке
По вине и без вины.

Сохранила нам бумага
Взгляд гвардейский, боевой.
Тот, который помнит Прага,
Не забыли под Москвой...

Тихо в доме. Мать седая
Коротает век одна,
Полузрячая, глухая,
Ожидания полна.

Всё забыла – помнит даты,
Вот они – её сыны,
Рядовые все солдаты,
Не пришедшие с войны.

Похоронки, похоронки,
Не расскажет почтальон,
Сколько их в родной сторонке
В каждый дом доставил он.

На конверте том измятом
Адрес почты полевой.
Клён израненным солдатом
Наклонился над избой.

А рябина, как сестрёнка,
Что замучена в плену,
Шелестит листвой тихонько,
Шепчет исповедь окну...



Александр Сергеевич Ксенофонтов

